

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА

**МЕТРО 2033:
УРОБОРОС**

**Издательство АСТ
Москва**

ЦИКЛИЧНОСТЬ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА АНАСТАСИИ КАЛЯБИНОЙ

Люди рождаются, растут, взрослеют, стареют, умирают. Издревле человек задумывался о том, что в мировом порядке заложена некоторая цикличность. Время вообще описывали по-разному, одни считали, что все заранее предопределено, и мы проживаем написанный сценарий, другие верили, что будущее предугадать невозможно и его мы создаем сами. Мне лично ближе всего версия о цикличности времени. Она ассоциируется у меня с космосом, с галактиками — их зарождением, вращением, гибелью. Мы рождаемся, умираем, на наше место приходят другие. Даже на уровне жизни можно проследить некоторую цикличность — «В жизни все повторяется дважды, Но в виде трагедии только однажды...» — писал Шекспир. Впрочем, можно найти высказывания и подревнее. Уроборос — символ, авторства которого мы не знаем. Его находят в совершенно разных местах, на разных континентах. Совершенно разные культуры задумывались о том, что мир цикличен.

Мы засыпаем и просыпаемся изо дня в день, вдыхаем и выдыхаем воздух, — совершаем множество монотонных действий, которые замыкаются сами на себе. Как уроборос.

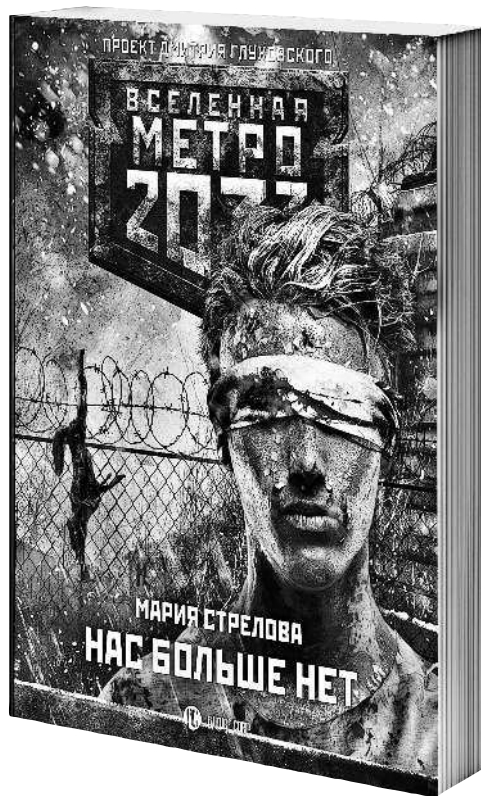
Лев Гумилев создал теорию эволюционной пассионарности, по которой жизнь этноса тоже циклична. И в принципе жизнь человечества — цикл. Возможно, много-много тысяч лет назад, на Земле уже

кто-то существовал. Тот народ мог придумать оружие и посильнее ядерного — а почему бы и нет? Мы же не знаем.

Возможно, мы рождены, чтобы что-то понять и перейти на новый уровень, а если не поймем — родимся заново, вся Земля переродится. И уже наши айфоны будут находить в культурных слоях и новые земляне будут гадать, зачем же это было нужно? Может, это таинственные люди создали, чтобы по воздуху переносить свою речь? А может его подкладывали в задний карман штанов, чтобы было удобнее сидеть на... как их? Skameykan.

А что будет с теми, кто выжил в Метро? Они же поднимутся на поверхность, они создадут новую расу людей и их потомки будут слагать легенды о людях, живших под землей. Как нам родители рассказывают об Адаме и Еве. Все в этом мире быстро забывается, особенно быстро забывается горе. Страшные чудовища, мутанты, возродятся в сказках для детей, и будут они уже не такие реальные и вскоре совсем превратятся в сказку.

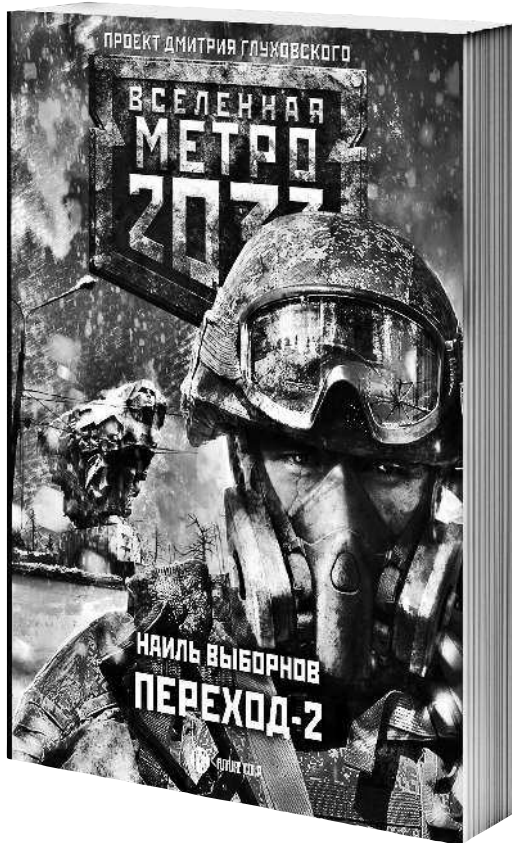
Уроборос — символ жизни и смерти, символ бытия как такового. Он — символ этого романа и символ всех других, потому что все равно вы закроете последнюю страницу прочитанной книги, и возьмете с полки следующую. Пока не выйдете на новый уровень. Я так думаю. А вы?

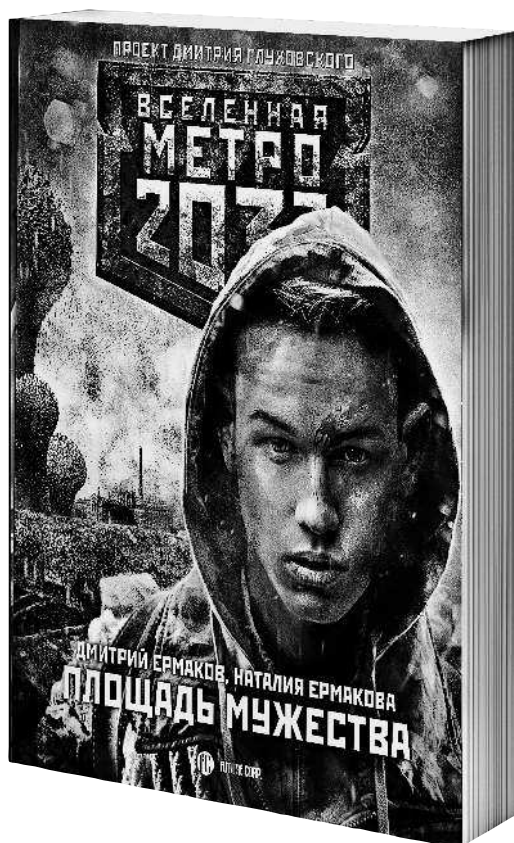
Мытищи, небольшой город в Подмосковье, тоже выжил. Три бункера мирно сосуществуют, ведут торговлю, да и просто живут. И лишь четвёртое убежище на территории бывшей военной части, где уже много лет единовластно царствует полковник Андрей Рябушев, плетёт интриги и хранит свои страшные тайны.

Два разведчика находят в заброшенной квартире живого человеческого младенца и дневник, некогда принадлежавший Марине Алексеевой. Жители убежища Конструкторского бюро узнают об ужасной гибели бункера в Раменках. Но дневник пропадает из закрытого сейфа. Происки военных? Это предстоит узнать молодому и отважному Жене, сыну начальника бункера. Он отправляется с отрядом на территорию военной части, теряет всех верных ему людей и оказывается в плену у полковника.

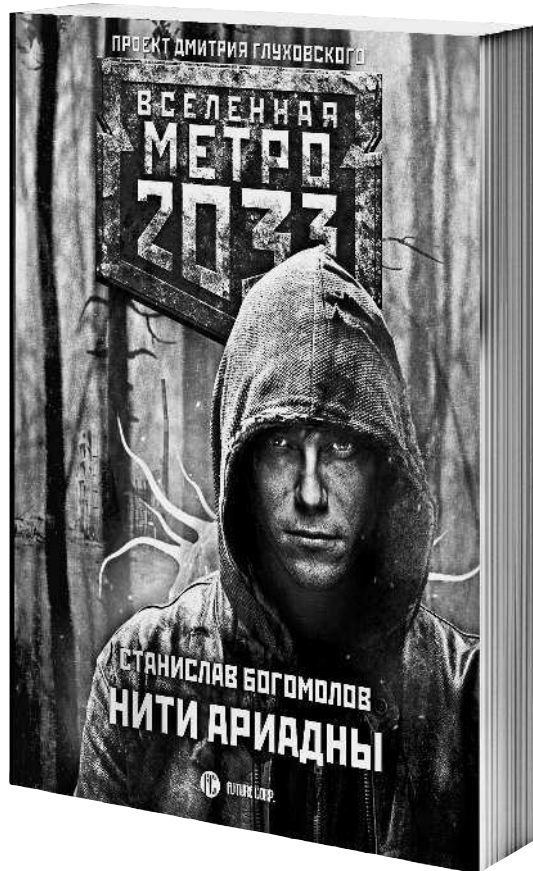
Кого встретит юноша в мрачных темницах бункера? Что он узнает? И не станут ли тайны Рябушева для него роковыми?

Путь мародера Нельсона должен был закончиться под завалами разрушенного перехода, но судьба распорядилась иначе. Его спасли те, кто пришел в город, чтобы развязать в нем еще одну войну, на этот раз - последнюю. Чтобы спасти своих людей, Нельсону придется отдать все, что у него было, и впустить себе в голову нечто нечеловеческое. Теперь Нельсон снова отправляется в путь. Потому что того требует долг. Потому что по-другому он просто не может. И неважно, что на этот раз дорога ведет только в один конец.

Великая война Империи Веган и Приморского Альянса началась. В смертельной схватке сошлись две крупнейшие общины Петербурга. Как и на любой войне, многое зависит от работы разведок и спецслужб. Внимание заклятых врагов сосредоточено на окрестностях станции Площадь Мужества. Какие тайны скрывают загадочная «дача Шалапина» и зловещее Пискаревское кладбище? Выяснить это должна группа опытных сталкеров. Один из них Игнат Псарев по прозвищу «Пес», простой веселый парень. Волей случая Игнат оказывается в самом центре шпионской войны. Как выжить, если никому нельзя доверять и все вокруг ведут свою игру?

Митинское Содружество — затерянный уголок, отрезанный от мира Большого Метро. Там люди тоже выжили. Двадцать лет они приспособивались к суровой жизни в небольшом закутке — на трех станциях метро. Они сами находили способы существовать в новое страшное время — создали свой крохотный микромир. И никто не был им нужен. Тесное Содружество жило спокойно, пока о нем никто не знал. Но в один прекрасный день им понадобилась помощь извне.

Якову Круглову, добытчику, приходится идти в совершенно чужой ему мир. За двадцать лет метро изменилось до неузнаваемости, и люди тоже. Теперь все, что окружает Круглова, больше походит на лабиринт Минотавра, выйти из которого он сможет лишь с помощью чуда...

Там, где обитает немало тварей, способных манипулировать человеческим сознанием, следует научиться включать разум и пользоваться им постоянно: спрашивать самого себя, действительно ли твои ощущения и чувства истинны, хочешь ли ты именно того, к чему стремишься. И уж если тебе все равно, куда идти, просто ноги переставляешь, — беда. Пора поворачивать в противоположную сторону. Поначалу постоянно размышлять непривычно, лень, изрядно утомительно и даже больно и страшно, но иначе никак. Именно разум делает человека человеком.

Вырин С. А. Сталкер Кай.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Мерно потрескивал огонь, тихо переговаривались друг с другом Миха и Глеб, и спать хотелось просто невыносимо.

— Вот так и живем, Симка, да? — отвлекшись от беседы с приятелем, спросил Миха.

Влад поморщился и потер переносицу. Владлен Симонов — для жителей Ганзы это имя действительно звучало странно и, пожалуй, даже вызывающе. Ладно, черт с ним, с его полным именем. Отправляясь с группой энтузиастов-первопроходцев возрождать заброшенную станцию Нагатинская, он сразу же сказал, чтобы звали или Владом, или Симом, и никак иначе. Вроде, даже согласились (а уж как его именовали за глаза, он даже предполагать не хотел), но превращать часть фамилии в какую-то кличку — это уж слишком!

Владлен Симонов — звучало гордо и красиво, но только пока он жил дома, на станции Фрунзенская. Между прочим, очень неплохо жил, пусть и не богато. Да он, вообще-то, и не представлял, как это — действительно богато жить. Ну, а раз так, то и не сокрушался по поводу бедности и того, что ганзейцы скоро жиром обростут идохнуть от переедания станут, хотя на Красной линии еда по карточкам. Главное, на Фрунзенской его любили и всегда относились радушно, а ведь

у Влада не имелось ни одного родственника, не помнил он ни отца, ни матери.

Мальчишкой подкармливали вроде бы абсолютно чужие люди, и никто не гнал. Потом, когда подрос, старался помогать им по мере сил. Каждому по потребностям, от каждого по способностям — так звучал древний девиз, который начальник станции старательно воплощал в жизнь с одобрения руководства Красной линии. Станция располагалась между Парком Культуры и Спортивной, не приходилось ни отбиваться от осаждающих ее толп мутантов, ни бороться с Ганзой. Жили неплохо. По крайней мере, Влад верил в это, остальные же — те, кто втайне злился и ненавидел существующий порядок — могли и дальше жить с этими своими мыслишками за душой, копить яд, которым рано или поздно сами же и отравятся.

Фрунзенцы жили одной большой семьей, никто не пытался припрятать для себя кусочек посытнее или воровать (хоть и болтали всякое, Влад ничего такого не замечал). В этом они очень сильно отличались от ганзейцев, которые, казалось, за лишний патрон удавятся или удавят соседей. Заместитель начальника станции Фрунзенская шутливо называл Симонова «сыном полка» и рассказывал сказки — еще довоенные. Какие из них основывались на реальных событиях, а какие породило живое воображение Василия Петровича, распознать не выходило, но интересно было все равно. Так же завораживали все мифы и атрибутика Красной линии. Детство Влада смело можно было назвать счастливым.

День, когда на станцию пришли фашисты, стал для него поистине черным. Никто никогда не упоминал при нем, что эти твари о двух ногах в людском облиции крадут людей. Сокрушались только — это ж надо, что повылезло в стране, победившей Гитлера.

Влад еле переставлял ноги в окружении фашистов и мечтал, как вырвет у ближайшей к нему гадины автомат и перестреляет всех к такой-то матери. И ничего внутри у него даже не шевельнется. Не могло быть к фашистам сочувствия. Бабка Поля, у ко-

торой парень иногда ночевал, говорила, что в нынешней нелегкой ситуации людей убивать нельзя, мол, вырождаются ведь совсем, и так их уже осталось с гулькин нос. Однако Влад, пока шел неизвестным для себя туннелем, понял: фашисты и люди отныне для него — понятия разные. Не люди они, а твари — хуже любого самого отвратительного мутанта!

Впрочем, над Симоновым и еще парой мальчишек (тоже круглыми сиротами) они не издевались, даже не забывали кормить и давать воду. Говорили о ком-то, в шутку (а может, и всерьез) называемом доктор Менгеле, к которому захваченных и вели. Смеялись, подначивали пленников, обещали счастье и сытость, карьеру в будущем. Имя вызывало у Влада неприятие на каком-то глубинном уровне. Каких только ужасов он себе не выдумал, тем более, никогда на живость воображения не жаловался. И решил: лучше пусть его какой-нибудь мутант сожрет, чем дойдет он до Чеховской, Пушкинской и Тверской, где и обосновался Четвертый Рейх.

В туннеле фашисты больше по сторонам глазели, чем за пленниками следили, логично рассуждая, что никуда те не денутся, а сбежать побоятся. Улучив момент, Влад шмыгнул мимо ближайшего фашиста в ответвление туннеля, а потом бежал, не разбирая дороги, полностью отдавшись страху и какому-то странному ощущению. Все казалось, будто двигается он в правильном направлении, главное — не останавливаться, не оглядываться и молчать, вести себя как можно тише, ни в коем случае не отвечать на крики за спиной. Фашисты орали, называя ненормальным, приказывая вернуться, грозя мучительной смертью — ничто парня не трогало, не желал он слышать. Мало ли, какие звуки издают твари? Пусть себе орут.

Позже, вспоминая, он не понимал, откуда взялась у него эта уверенность, упорно гнавшая сквозь туннель. А ведь у Влада с собой не имелось ни воды, ни еды, ни даже источника света. В туннелях же мгла — глаз выколи, но ему казалось, будто вовсе не темнота вокруг, а сумрак, и, что особенно странно, ответвления и развилки он действительно видел четко и ни разу на сте-

ну не наткнулся. Так и вышел к людям (хорошо хоть, не пристрелили сразу!), на станцию Добрынинская.

Светлее, чем дома. Красиво: арки дугами, мрамор светлый, а у путей – красный. Вроде, и похоже на родную Фрунзенскую, а все-таки не то совершенно. Ганза. Умудрился Влад даже не на радиальную попасть, а напрямик к врагу.

Здесь его первым делом подняли на смех. Потом еще с полгода попеременно обзывали то Лениным (из-за имени, разумеется), то вождем пролетариата, то просто красной сволочью. Да и до сих пор продолжали зубоскалить, пусть и меньше и, в основном, в спину (не потому, что стал среди ганзейцев своим, а просто очень скоро научился бить, не раздумывая о целесообразности драки и об ее последствиях).

Влад потер переносицу и уставился на Миху почти враждебно. Если бы не дозор, в котором они торчали вот уже часов восемь, не преминул бы пару оплеух отвесить за это «Симка». Спустишь раз-другой, а потом прилепится и пойдет гулять промеж людей – поздно горевать и исправлять будет.

– Спишь уже почти, да? – не разглядев на его лице и намека на кровожадность, спросил Миха и душераздирающе зевнул. – Это потому что ноябрь.

– А тебе не все ли равно – под землей? – вздохнул Симон, вглядываясь в черный зев туннеля, простирающегося по правую руку от него. По левую, в сторону станции Нагатинская, уходил практически такой же, но свой, безопасный, хоженный-перехоженный.

Ни с той ни с другой стороны не слышалось и не просматривалось ничего подозрительного. Влада это только радовало, в отличие от его спутников, которым хотелось приключений, проявить себя и, разумеется, выйти из всех передраг героями и спасателями родной станции. Иногда Симонову казалось, будто в группу с этими двумя его записали лишь потому, что хоть кто-нибудь должен же исполнять свои обязанности.

Все трое были ровесниками, но на Влада в свое время свалилось слишком многое. Он попросту не умел точить лясы на про-